В.А. Зверев*

«Меня признали хорошим работником». Сын крестьян-переселенцев о семье и хозяйстве родителей, становлении своей личности

DOI: 10.31518/2618-9100-2020-4-4

УДК 947(571)+390(47=00)

Выходные данные для цитирования:

Зверев В.А. «Меня признали хорошим работником». Сын крестьян-переселенцев о семье и хозяйстве родителей, становлении своей личности // Исторический курьер. 2020. № 4 (12). С. 43–56. URL: http://istkurier.ru/data/2020/ISTKURIER-2020-4-04.pdf

V.A. Zverev*

"I've Been Recognized as a Good Worker". The Son of Migrant Peasants Talks About His Family, His Parents' Farm and His Growth as a Person

DOI: 10.31518/2618-9100-2020-4-4

How to cite:

Zverev V.A. "I've Been Recognized as a Good Worker". The Son of Migrant Peasants Talks About His Family, His Parents' Farm and His Growth as a Person // Historical Courier, 2020, No. 4 (12), pp. 43–56 [Available online:] http://istkurier.ru/data/2020/ISTKURIER-2020-4-04.pdf

Abstract. The work looks at the publication of a historical source of personal origin that also acts as the ego-source of a memoir nature. These are fragments from the memoirs of Vasiliy Yermolenko (1893–1970), which he wrote in Novosibirsk in the late 1960s, shortly before his death. The memoir fragments to be published tell the story of a descendant of impoverished Zaporozhian Cossacks, the son of migrants from the Poltava Governorate, who describes the origin of his ancestors, the circumstances under which his parents moved to Altai in 1894, and how they settled into their new place in the migrant village of Asinkritovka in Loktevskaya parish in Zmeinogorodsky district of the Tomsk Governorate. The main subject that the author writes about and reflects on is his growth as a person through childhood and adolescence in the early twentieth century, when he worked in Zmeinogorsky and later in Biysky counties as an apprentice to the manager in a village store, as an unskilled laborer for rich neighbors, and as a raftsman on the river while continuing to strive for a higher social status and becoming a clerk. He describes in his autobiography a key moment in his life when his neighbors and older family members began to regard him as a good worker, which had been made possible by his deliberate and focused efforts during the harvest when he worked as a hired hand for a neighbor. The publisher previously released two large fragments of V. Yermolenko's edited memoirs, so it seems that the time has come to publish his memoirs in full together with the preparatory materials from the family archive of the memoirist's descendants.

Keywords: the late 19th to the early 20th century; Zmeinogorsk county; Biysk county; Ukrainian immigrants; peasant yard; social ideal; self-development of personality; memories; ego-document.

The article has been received by the editor on 08.07.2020.
Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. Работа посвящена публикации исторического источника личного происхождения, одновременно выступающего как эго-источник мемуарного характера. Это фрагменты воспоминаний Василия Ивановича Ермоленко (1893–1970), написанных в Новосибирске в конце 1960-х гг., незадолго до его смерти. В публикуемых фрагментах выходец из среды обедневших запорожских казаков, сын переселенцев из Полтавской губернии рассказывает о происхождении своих предков, обстоятельствах переезда родительской семьи на

* **Зверев Владимир Александрович,** доктор исторических наук, Новосибирский государственный педагогический университет, Новосибирск, Россия, e-mail: sosna232@yandex.ru
Zverev Vladimir A., Doctor of Historical Sciences, Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russia, e-mail: sosna232@yandex.ru

Алтай в 1894 г., обустройстве семейного и хозяйственного быта на новом месте – в переселенческой деревне Асинкритовке Локтевской волости Змеиногорского округа (уезда) Томской губернии. Главный предмет описания и рефлексии мемуариста – процесс саморазвития его личности в детские и юношеские годы в начале XX в., когда он работал в Змеиногорском и затем Бийском уездах учеником приказчика в сельском магазине, батраком у зажиточных односельчан, плотогоном на реке, но упорно стремился достичь более высокого социального статуса – стать писарем. Ключевой момент жизни подростка, описанный в автобиографии, – признание его хорошим работником односельчанами и старшими членами семьи, что стало возможным в результате многодневных сознательных и целенаправленных трудовых усилий на уборке урожая у соседа-работодателя. Ранее публикатор обнародовал еще два больших фрагмента «чистовых» воспоминаний В.И. Ермоленко, и назревает необходимость научной публикации мемуаров в полном виде, с приложением подборки подготовительных материалов, хранящихся в семейном архиве потомков мемуариста.

Ключевые слова: конец XIX – начало XX в.; Змеиногорский уезд; Бийский уезд; украинские переселенцы; крестьянский двор; социальный идеал; саморазвитие личности; воспоминания; эго-документ.

Как показали исследования современных историков, процессы модернизации традиционного общества, запущенные в Российской империи еще в XVIII в., в позднеимперский период принесли уже существенные результаты. Развиваясь от традиции к модерну, во второй половине XIX – начале XX в. Россия демонстрировала достаточно глубокие социальные, экономические, демографические, политические, культурные сдвиги, способствовавшие росту могущества страны и благосостояния населения[1]. Системообразующим фактором разворачивавшейся модернизации являлось тогда формирование человеческой личности – осознание людьми своих интересов, своего места в социальной группе, их стремление к саморазвитию. Этот процесс, вовлекший в себя раньше и глубже всего образованные слои дворянства и разночинной интеллигенции на западе и в центре страны, в позднеимперский период затронул некоторую, пока еще небольшую часть молодых представителей городских сословий и крестьянства на восточных окраинах империи, в т.ч. в Сибири. Однако пробивавшийся индивидуализм тогда редко шел вразрез с групповыми интересами крестьянской общины и патриархальной семьи, господствовавшими порядками «большого мира». Обычный мотив молодых крестьян, затронутых эмансипацией, – заслужить одобрение и уважение в своем окружении.

Об этом нам могут поведать различные документы, и в частности эго-источники, авторами которых являются выходцы из среды крестьянства Сибири конца XIX – начала XX в.[2] Они рассказывают об обстоятельствах и способах личностного становления в молодые годы, о своих усилиях по обретению рационального сознания и социального статуса, более соответствующего обществу модерна. Среди факторов, стимулировавших указанное явление, можно назвать развитие транспортных связей после постройки Транссиба, растущее влияние городов, армейскую службу молодых мужчин, распространение школьного образования, возрастание роли чтения в обществе, деятельность политических ссыльных и пр.

Применительно к Сибири нужно обязательно принять во внимание и начало миграционного перехода, проявившееся во взрывном росте масштабов иммиграции в регион из Европейской России в конце XIX – начале XX в.[3] Массовые переселения корректировали

---

[1] *Миронов Б.Н.* Российская модернизация и революция. СПб., 2019. С. 15–23.

[2] См., например: Автобиографические записки сибирского крестьянина В.А. Плотникова. Омск, 1995; *Ростовцев И.Г.* На краю света: записки очевидца. М., 1985; *Рютин М.Н.* Автобиография // Рютин М.Н. На колени не встану. М., 1992. С. 50–63; *Трифонова А.В.* Как я стала учительницей // Красен человек ученьем: материалы о воспитании и образовании детей в селениях Сибири (конец XIX – начало XX в.). Новосибирск, 1995. С. 75–80.

[3] Миграционный переход // Демографическая энциклопедия / гл. ред. А.А. Ткаченко. М., 2013. С. 462.

экономические, правовые, культурные условия существования сообществ крестьян-сибиряков, создавали для них необходимость коммуницировать и создавать общие формы жизни с «другими» людьми, возможность перенимать полезные привозные новшества. Переселенцы же и члены их семей, попав в среду, отличную от традиционного социума своей малой родины, вынуждены были осваивать новые представления и порядки. Взаимное сравнение разных, хотя и близкородственных культур порождало критическое отношение не только к «чужому», но и к «своему», осознание необходимости совершенствовать наличные отношения и формы общественной жизни, меняться и развиваться в личностном плане.

Источников личного происхождения, исходящих из среды российских крестьян имперского периода и даже их потомков, которое повествуют о судьбе предков, известно сравнительно немного, и это делает ценным каждый новый текст, разысканный специалистами. В этом номере «Исторического курьера» мы публикуем отрывки яркого эго-источника – автобиографических мемуаров Василия Ивановича Ермоленко (1893–1970). Сын украинских переселенцев из Полтавской губернии на представленных здесь страницах рассказывает о происхождении своих предков, обстоятельствах их переезда на Алтай в 1894 г., обустройстве семейного и хозяйственного быта крестьян-переселенцев на новых местах. Главный предмет рефлексии мемуариста – процесс саморазвития собственной личности в детские и юношеские годы в начале XX в., когда он работал в Змеиногорском и Бийском уездах учеником приказчика в сельском магазине, батраком у зажиточных односельчан, плотогоном на реке, но упорно стремился выбиться из крестьянской среды и стать писарем. Благодаря трудолюбию, стремлению к саморазвитию и другим позитивным качествам личности он добился своего.

Вскоре началась Первая мировая война. Будучи призванным в армию, Василий занимал писарские должности в военных учреждениях. После демобилизации участвовал в организации работы земских и затем советских органов власти в Бийске. О своих ярких впечатлениях периода мировой и гражданской войн, революционных потрясений мемуарист повествует в той части своих мемуаров, которая опубликована нами недавно[4]. С 1920 по 1958 г., вплоть до ухода на заслуженную пенсию, Василий Иванович служил в Бийском уезде (затем округе, районе) на различных, в т.ч. руководящих, должностях в экономических и статистических управленческих структурах. Карьера управленца прерывалась в 1933 г. арестом и содержанием в заключении под следствием по ложному обвинению во вредительской деятельности. Обстоятельства этого ареста, беззаконные допросы с целью добиться самооговора, свои мысли и чувства, пережитые на пороге смерти в сталинском «мертвом доме», мемуарист описывает еще в одном опубликованном нами фрагменте его воспоминаний[5].

Полный текст своих мемуаров, из которого взяты все опубликованные нами фрагменты, В.И. Ермоленко написал собственноручно незадолго до смерти, переехав в 1967 г. вместе с женой на жительство к сыну из Бийска в Новосибирск. Подготовительными материалами можно считать записи в дневниках, которые автор вел в течение многих лет, сохранявшаяся им переписка с родственниками и сослуживцами, выписки из газет и пр. «Чистовой» текст воспоминаний размещен на пронумерованных автором 189 страницах общей тетради, разлинованной типографским способом в клеточку (рис. 1). Он написан размашистым аккуратным почерком почти без помарок, ошибок и исправлений. Впрочем, можно заметить ухудшение «технического» качества рукописи от страницы к странице: сказывается 75-летний возраст, автор устает от напряженной работы. Он и сам пишет об этом на странице 159 рукописи: «Опоздал писать. Плохо вижу, и голова плохо стала соображать».

---

[4] «История в человеке, попавшемся на ее дороге»: историческая биография в Сибири XIX–XXI вв. (историографический, источниковедческий и методический аспекты) / отв. ред.: В.А. Зверев, Н.Н. Родигина, О.М. Хлытина. Новосибирск, 2018. С. 270–284.

[5] *Зверев В.А.* «Выброшенный из общества»: советский человек о пребывании в сталинском чистилище [Электронный ресурс] // Исторический курьер. 2018. № 1. С. 117–126. URL: http://istkurier.ru/data/2018/ISTKURIER-2018-1-09.pdf (дата обращения: 10.05.2020).

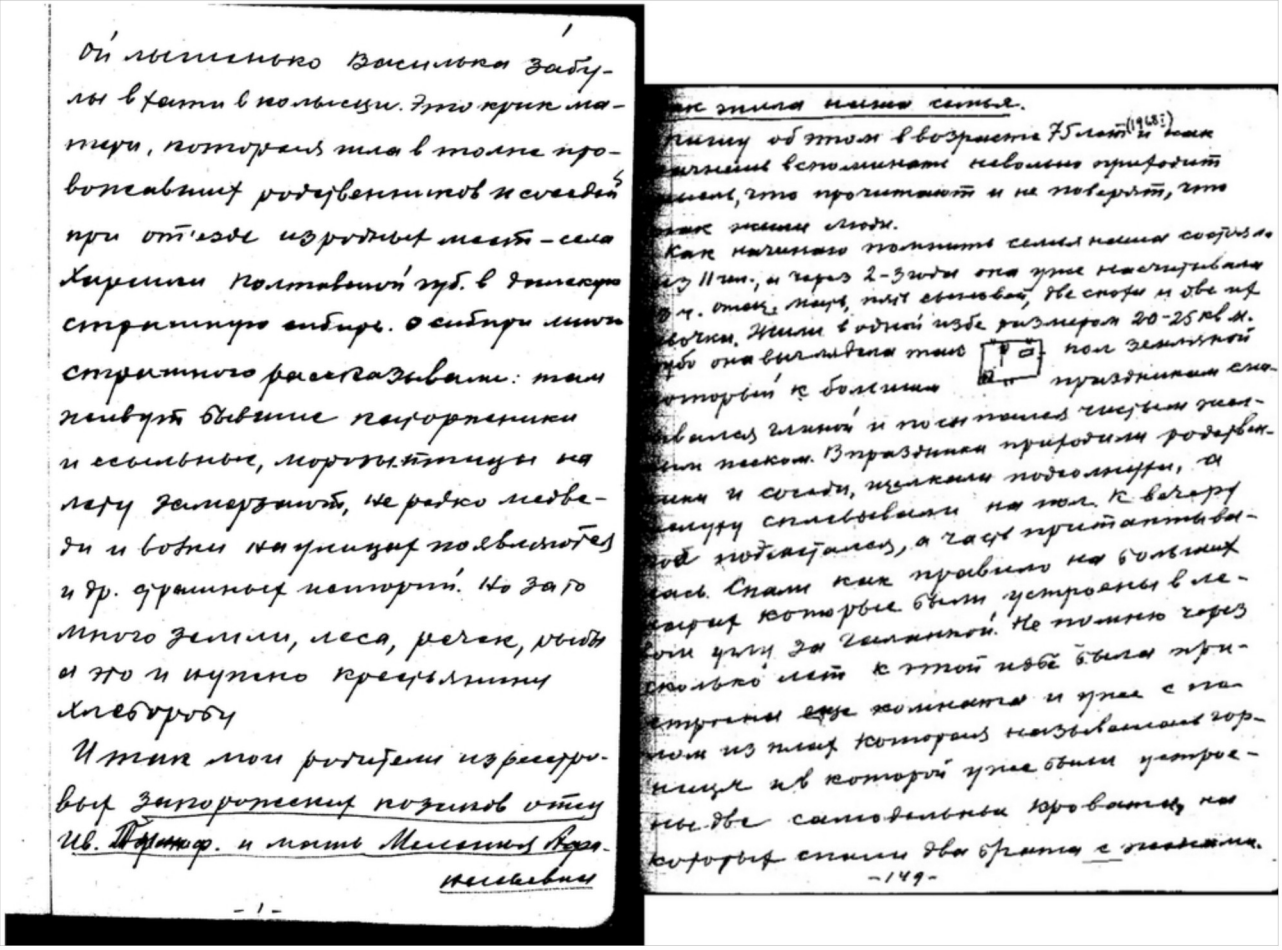

Рис. 1. Две страницы из рукописи В.И. Ермоленко.

Публикатор узнал о существовании этого интересного исторического источника от *Дарьи Ермоленко*, правнучки его автора. Будучи ученицей 11-го класса средней общеобразовательной школы № 136 г. Новосибирска, в 2006 г. она выступила под руководством учителя истории Г.С. Сиротиной на конференции Научного общества учащихся «Сибирь» с докладом «Судьба человека в судьбе страны в переломный момент истории (по материалам семейного архива)». В докладе, в частности, приводились цитаты из воспоминаний прадеда. Материалы этой работы школьницей не публиковались. По нашей просьбе Д. Ермоленко предоставила нам тогда ксерокопию текста мемуаров прадеда вместе с тезисами своего доклада, который помог нам позже провести источниковедческий анализ эго-источника.

В 2018 г. Дарья (ее нынешняя фамилия – Арзамазова, она бизнесвумен) снова обратилась к письменному наследию прадеда. На своей странице в социальной сети «Инстаграм» она напечатала несколько отрывков из воспоминаний, дневников, писем В.И. Ермоленко[6]. Эти блоги имеют некоторый общественный резонанс, способствуют повышению интереса молодежи к историческому прошлому родной страны, региональной и семейной истории. Однако они не являются научными публикациями, поскольку не проводилась профессиональная подготовка текстов к печати, они не сопровождаются научными комментариями и примечаниями, не лишены ошибок источниковедческого, конкретно-исторического, географического характера. Значит, остается актуальной наша работа по научной публикации этого интересного и весьма информативного исторического источника.

Впервые публикуемые далее фрагменты воспоминаний В.И. Ермоленко помещаются на страницах 1–29 и 149–159 рукописного первоисточника. При подготовке текста к изданию полностью сохранено содержание публикуемых фрагментов. Проведенная правка заключа-

[6] *Соловова Т.* «Ищу красивые почерки и стараюсь написать так же»: сибирячка ведет «Инстаграм» от имени своего прадеда-писаря [Электронный ресурс] // Комсомольская правда: Новосибирск. URL: https://www.nsk.kp.ru/daily/26942/3994044/ (дата обращения: 10.05.2020).

лась в том, что в тексте выделено несколько разделов, им предпосланы заголовки. Здесь использована идея автора воспоминаний, который один из разделов рукописи выделил и озаглавил сам (рис. 1). Этот раздел (с. 149–159 рукописи) мы сочли возможным разместить в тексте между содержанием страниц 3 и 4 рукописи, поскольку этого требует сохранение последовательности авторского повествования. Местами мы по-новому разделили текст на абзацы, ввели кавычки для выделения прямой речи, поправили пунктуацию, в квадратных скобках вставили необходимые дополнения и расшифровки нестандартных сокращений. В подстрочных примечаниях сделаны пояснения, необходимые для лучшего понимания современными читателями исторических реалий. Приложением к тексту являются фотографии из семейного архива потомков В.И. Ермоленко (рис. 2–4). На них представлены сам мемуарист и члены его семьи, но через много лет после того времени, о котором повествуется в публикуемых здесь отрывках воспоминаний.

* * *

Фрагменты из воспоминаний В.И. Ермоленко

[Из родной Полтавщины в страшную Сибирь]

«Ой, лышенько! Василька забулы в хати в колысци!»[7]. Это крик [моей] матери, которая шла в толпе провожавших родственников и соседей при отъезде из родных мест – села Харсики Полтавской губ[ернии] в далекую страшную Сибирь. О Сибири много страшного рассказывали: там живут бывшие каторжные и ссыльные, морозы – птицы на лету замерзают, нередко медведи и волки на улицах появляются, и др[угие] страшные истории. Но зато много земли, леса, речек, рыбы, а это и нужно крестьянину-хлеборобу.

Итак, мои родители из реестровых запорожских козаков. Отец Ив[ан] Тимоф[еевич] и мать Меланья Афанасьевна[8] с пятью сыновьями: Прокопием, Яковом, Архипом, Порфирием и мною, Василием, в 1894 году, оплакивая родину, где жили их деды и прадеды, расставались с ней из-за безземелья и переселялись в Сибирь искать лучшей доли. Да и как не выехать? Семья отца, Тим[офея] Дан[иловича], была большая: сыновья Дмитрий, Иван, Иван[9], Василий и Игнат, и сестры Евдокия, Мария и Парасковья, а земли всего две десятины. Чтобы прокормить семью, братья и сестры отца каждое лето уходили на заработки в Таврию. 29-ти лет отец женился на дочери зажиточного козака Сковороды Афанасия из соседнего села Харсик[и] и ушел в семью жены, в зятья (прыймы). Вскоре их постигло несчастье. Большая часть хозяйства, даже волы, овцы, пчелы и прочее, было уничтожено пожаром.

Во время пожара погибла теща отца, а вскоре умер и тесть. Пошли дети. Нужда всё увеличивается, и отец решается на переезд в Сибирь. К этому времени семья уже достигает семи чел[овек]. Остановились на необжитом месте у озера и назвали поселок Асинкритовка (Локтевской вол[ости] Змеиногор[ского] у[езда] Томской губ[ернии]). Поселок этот образовался из выходцев из разных мест Украины: Полтавской, Харьковской, Черниговской и Киевской губерний, и к тому времени, как я начинал помнить, в поселке было примерно око[ло] 80 дворов[10]. Большинство изб были крыты камышом или соломой, и ограды [были] из плетней. <…>

[7] Перевод с украинского: «Ой, беда! Василька забыли дома в колыбели!»

[8] Подчеркнуто в оригинале текста мемуаристом.

[9] Одинаковые имена у двух и более детей в семье – не редкость в имперский период: обычно имена давали священники при крещении по месяцеслову, ориентируясь на дни памяти святых, а не на семейную ситуацию.

[10] По официальным данным за 1899 г., д. Асинкритовка, расположенная на оз. Новеньком, имела 82 крестьянских и 11 некрестьянских дворов, в ней числились 204 мужчины и 220 женщин. См.: Список населенных мест Томской губернии на 1899 г. Томск, 1899. С. 775.

Рис. 2. Василий Ермоленко с матерью. Вторая половина 1920-х гг.

Как жила наша семья

Пишу об этом в возрасте 75 лет (январь 1968), и как начнешь вспоминать, невольно приходит мысль, что прочитают и не поверят, что так жили люди.

Как начинаю поминать, семья наша состояла из 11 чел[овек], а через два-три года она уже насчитывала 13 чел[овек]. Отец, мать, пять сыновей, две снохи и две их девочки. Жили в одной избе размером 20 × 25 кв[адратных] м[етров]. Грубо она выглядела так[11]. Пол земляной, который к большим праздникам смазывался глиной и посыпался чистым желтым песком. В праздники приходили родственники и соседи, щелкали подсолнухи, а шелуху сплевывали на пол. К вечеру пол подметался, а часть [мусора] притаптывалась. Спали, как правило, на больших нарах, которые были устроены в левом углу за галанкой[12]. Не помню, через сколько лет к этой избе была пристроена еще комната, и уже с полом из плах, которая называлась горница, и в которой уже были устроены две самодельные кровати, на которых спали два брата с женами.

Печку топили «кизяками»: навоз складывался с зимы в большие кучи и прел. В таких кучах перепревал (горел), а весной его месили – или просто ногами, или лошадьми. Затем формировали в брикеты – форма кирпичей, расставляли по три шт[уки] и просушивали, а когда подсохнут, складывали в кучи под вид копен. И в этих кучах кизяки досыхали до окончательной сухости, а потом перетаскивались и складывались под крышей, откуда [их] и берут для топки.

Деревня наша была расположена на берегу большого озера, восточная часть которого была в зарослях камыша. Вот когда осенью озеро замерзнет, люди буквально бросаются на эти камыши, срубают камыш лопатками и увозят домой. Камыш этот используется для растопки кизяка, для крыш и для утепления (обкладки) изб. Крыши домов так искусно делали, что они получались не только красивые, но и теплые, и прочные, т[ак] к[ак] настил снопиков поливался глиной, которая потом засыхала и цементировалась.

---

[11] В тексте помещена небольшая схема – см. фотографию стр. 149 рукописи на рис. 1.

[12] *«Галанка», голландская печь* – кирпичная печь небольшого объема для отопления жилого помещения. Зачастую устанавливалась не только в городских, но и в деревенских домах в дополнение к основной, русской печи.

В сильные морозы, если овечка объягнилась, то ее с ягненком, часто и двумя, заводили в горницу, привязывали в правом углу избы у порога. И я целыми часами, помню, смотрел на этих красивых маленьких ягнят, которые через день – два уже начинали между собой бодаться и прыгать.

Но вот в 40–45 градусов мороза отелилась корова, и вот я помню, когда корову завели в избу. Это уже было неприятное зрелище. Правда, на теленка смотреть было приятно с печки, но уж очень антигигиенично. Но корова, как правило, стояла в избе недолго, и практиковалось это мало, так как вскоре люди построили теплые помещения для телят и ягнят и всех рожениц и маленьких помещали туда.

Деревня наша была расположена в степной местности, земли [здесь] песчаные и часто были плохие урожаи, но зато в дождливые годы были не только хорошие урожаи, но получалось и очень высокого качества зерно. Семья наша была большая, а хозяйство по своим размерам небольшое. Братья – то тот, то другой – нанимались в работники (батраки), и заработок их служил большим подспорьем для бюджета семьи.

Как я уже сказал, что деревня наша была расположена в степи, где зимой свирепствовали большие и длительные метели (бураны). Люди были вынуждены делать крытые дворы, которые строились так: столбы, на столбы кладутся слеги (толстые бревна), на них жерди, на жерди набрасывается хворост, а потом солома и прочий хлам. Так что выходишь во двор, там на улице бушует метель, а во дворе тихо или чуть порошит в отдельные щели снежок. Для ориентировки у дверей входа в избу или в пригон кладут вырубленную изо льда большую льдину, через которую и проникает свет над входными дверями. Тяжело было возить лес и чащу из лесов, примерно за 60–70 километров, но ничего не сделаешь. Люди свыкались, приживались, крепли и лет через 10–12 чувствовали себя неплохо.

Очень плохо было на пашнях с водой, но копали колодцы, запасали большие наносы снега, которые закрывали соломой, чтобы не таяли, и обходились водой, получаемой от таянья снега. Конечно, этой воды было мало, и лошадей приходилось водить поить в «ляги»[13], где копались колодцы, и там пользовались водой.

А все-таки весело было на пашне, а самое веселое было в поездке в субботу домой. Баня. Вечером встречи с товарищами. Игры, песни и прочие развлечения. Завтра воскресение, а вечером опять на пашню, и опять то же самое. Но как это теперь всё кажется интересным и с удовольствием вспоминается!

Деревня. Изба, крытая камышом. Верх заделан крупной соломой. Сверху полито глиной. Засохло, и получилась крепкая непроницаемая крыша. К зиме изба окутывается соломой, проложенной между стойками, и получается, что изба становится теплой от морозов и ветров. Внутри [жилище] делится на две половины, причем одна с земляным полом, который смазывается глиной и посыпается желтым песком. Засыхает и становится крепким, цементноподобным пол. В половине с земельным полом обычно находятся только что родившиеся ягнята и телята. Знаю случай – даже корова была в избе. Разумеется, это бывает в сильные морозы. Вторая половина избы имела пол из плах. Это была горница. Зимою мы на печке, которая всегда была горячая, где я и отогревался от прогулок с санками. Как это правдиво у Некр[асова]: «Весь ты пере[зя]бнешь, руки не согнешь, и домой тихонько нехотя придешь. Ветхую шубенку скинешь с плеч долой и заберешься на печь к бабушке седой. И сидишь – ни слова, тихо всё кругом, только слышно – воет вьюга за окном»[14].

[13] *Ляга* – низменное, иногда заболоченное место со стоячей водой.

[14] Мемуарист цитирует стихотворение поэта-самоучки И.З. Сурикова «Детство», которое на рубеже XIX–XX вв. входило в программу обучения в школах. Очевидно, он познакомился с ним еще в детстве, поэтому цитирует неточно и ошибочно приписывает Н.А. Некрасову.

[Нерадостное детство]

Так проходило мое детство. Спал я на печке, разумеется, без всякой постели на одном «рядне»[15]… Соскочишь обедать – пол холодный и грязный, и [ведь] как-то не простывали. А о чистоте ног и говорить нечего.

С улицы наша изба представляла собою снаружи закутанную в солому хату, но зато хорошо была защищена от морозов и ветров. Неприглядно выглядела наша изба… Зато двор был отменно хорош. Весь был крытый и большой, так что своим уютом привлекал всех проезжающих. Для удобства даже были положены у входов в сенки[16] и у калитки большие льдины, которые после снегопадов обметались. Скотские дворы у нас [тоже] были хорошо защищены от ветра и морозов.

По инициативе населения в поселке была организованна школа. Учителем избран на сходе [односельчанин] из грамотных. Школа – в избе, где жили два старика Герасименко. Лавки и столы, пол земляной. Учеников 10–12 ч[еловек]. Помню, старушка ругала нас за то, что ногами ямы выбивали. Ученик наказан, поставлен на колени с книгой в руках. По избе ходила курица, и когда подошла к нему, он выпустил книгу на нее. Курица закудахтала и взлетела. Помню, было веселое зрелище, а Шаульскому Ване влетело линейкой по ладони. Вот в такой школе я и учился три зимы.

Детство мое омрачено тем, что с семилетнего возраста принуждали нянчить детей братьев[17]. В результате этих неприятных занятий я просто возненавидел и тех, кто заставлял этим заниматься, и тех, с кем нянчился. Дело дошло до того, что я из дома сбежал к одному из жителей поселка и заявил, что домой не пойду. Кончилось это тем, что за мной пришли, увели и наказали, и всё пошло по-старому. Нерадостное детство.

К десяти годам меня брали на пашню и использовали как ездока во время пахоты. Впрягается две пары лошадей в плуг, на одной [лошади] из первой пары садили меня верхом, чтобы я погонял эту пару и держал бороздой. Немало и здесь было неприятностей. Холодно [спать] в балагане[18]. Будили рано. Оденут тепло и выглянет солнышко – согреешься, а ритм движения лошади так убаюкивает, что никак нельзя не уснуть, ну и будили бичом, конечно. Хорошо, если одет, а бывает, задремлешь и в одной рубашке, тогда чувствительная бывает пробудка.

Хочется рассказать об одном случае. Однажды мы молотили. Разбрасывается розвязь пшеницы на току[19], связываются лошади одна за другой и кругом гоняют по этой пшенице. Ногами лошадки и обмолачивают. Я бегал сбоку, и лошадь была смирная, но, видимо, ей надоело, и она лягнула, угодив задним копытом [мне] по подбородку. От удара нижняя челюсть, видимо, сместилась. Я помню, что закрыть рот было нельзя. Зубы стали вроде длиннее. Ехал попутчик в деревню, и меня отправили домой. Помню, мать кормила крошками с молоком, а наутро повела к бабке лечить.

Это лечение осталось в памяти на всю жизнь. Посадила на табуретку, через полотенце взяла левой рукой за подбородок, а правой ударила по виску. Помню, хрустнуло, в глазах – огненные круги. Не знаю, долго ли сидел, но почувствовал, что рот закрылся. Голова болит. Зуб выщербленный. В челюстях боль, но всё же стало лучше.

Двенадцати лет меня определили в ученики приказчика (продавца) в магазин соседнего села купца Пшеничникова, причем я должен был жить у него в доме. Неприятно вспоминать, т[ак] к[ак я] опять нянька. Днем в магазине, а вечером с детьми. Ненадолго хватило терпения: через четыре-пять месяцев сбежал домой. Теперь уже нянчить не заставляли.

---

[15] *Рядно* – толстый холст домашнего производства из грубой пряжи, а также изделия из такого холста.

[16] *Сенки, сени* – в деревенских избах и в старину в городских домах: помещение между жилой частью дома и крыльцом.

[17] В предисловиях к предыдущим публикациям отрывков из мемуаров В.И. Ермоленко допущена ошибка: утверждалось, что подростком Василий нянчился с младшими братьями.

[18] *Балаган* – здесь – шалаш, временное легкое укрытие в поле из жердей и веток, покрытых дерном и травой.

[19] *Ток* – здесь – площадка для обмолота хлебов.

Рис. 3. Василий Ермоленко (стоит) со старшими братьями Прокопием, Яковом и Архипом. 1926 г.

[Куда меня девать?]

Пятнадцатый год. Уже посматриваем на девчат. Осенью складчина на досвитках[20]. Ребята [приносят] по полбутылки, а девчата стряпают. Таковы традиции. Ответственным за порядок оказался я. Обнаружилось, что кто-то стащил полбутылки. Прошло. Значительно позднее я узнал, что это сделала одна девчонка (старше меня на 1,5 г[ода]), Наталка Берчук. Припоминаю разговор ее отца, который возмущался, что парни ворота мажут и другие пакости чинят, и говорил, что, если девчонка провинилась, ну и накажи ее, а при чем родители. Решил – как встречу, побью Наталку. Встреча состоялась, и я два раза ударил Наталку.

Спустя недели две я как-то приехал с сеном. Подходит брат и подает мне повестку вызова в волостной суд за избиение. Я в ужасе. В семье знают. Мать плачет. Кошмар. Поехали (до вол[ости] 15 вер[ст]). Суд кончился примирением. Брат купил полбутылки, но последствия этого суда немало причинили огорчения отцу Наталки. Ребята мстили. Я старался быть где-нибудь или на виду, или в мое отсутствие ребята пакостили. Ворота вымазали, окна выбили, колоду[21] в колодезь спустили, огород выкатали. Его, [отца Наталки,] проняли. Пришел на место, где собиралась молодежь, отозвал меня и говорит: «Пора бы уж кончить. Мало полбутылки – куплю бутылку».

Весной 1909 года [наши] семейные распри приняли острый характер. Один за другим отделяются от семьи братья, отец вынужден был всё хозяйство раздарить и самим старикам уйти к старшему сыну. Мне досталась доля – амбар и жеребенок. Всё это было продано, а я остался в [пустом] пространстве. Поживу у одного брата – перехожу к другому. Мать плачет. Отец вздыхает, да и мне нелегко.

Не знаю, по чьей инициативе было совещание всех братьев, сестры и отца, где обсуждалась моя судьба: «Куда его девать?» Помню, отец сказал, что «если его не устроить, пропадет парень. Так и сгниет в тюрьме». Пришли к выводу – пристроить меня к односельчанину Сыдору. Он чабан[22], ему нужен подпасок. У него одна дочка, деньжата есть. Может

[20] *Досвитки* (укр., южнорус.) – посиделки, супрядки, на которые молодежь сходилась не с вечера, а вскоре после полуночи, до рассвета.

[21] *Колода* – здесь – короткое толстое бревно, используемое в хозяйстве, например, для рубки дров.

[22] *Чабан* – пастух.

быть, там и пристроится. Помню, что я сказал: «Деньги хорошо, а Маши мне не надо». Все возмутились, а я ушел.

[Иду искать счастье]

В это время меня занимала мысль: «Буду сельским писарем». А возникла она вот почему: однажды еду из пашни, слякоть – ветер со снегом и дождем, озяб чертовски. На возу сено. Поднял пласт, укрылся. Заехал в деревню. Навстречу идет сельский писарь, некий Бутенко. В хорошем пальто, глубоких резиновых галошах, с зонтиком. Крепко [я] позавидовал и решил: обязательно добьюсь и буду писарем.

Отношение ко мне со стороны невесток, а под их влиянием и братьев, было холодным. Возникло оно п[отому], ч[то] нянчил [их] детей я по принуждению и, понятно, плохо. Из-за этого возникали ссоры, следовательно, я был не только не особенно желанным гостем у братьев, а под влиянием нелестных разговоров с соседками сложилось мнение, что я лентяй, непослушный, грубиян, словом, «никчемный человек растет».

Весной иду в город искать счастья. Без денег, постоялые дворы, приезжие мужики. Питался среди них, кто чем покормит. Ночевал просто на телегах у них. Походил я недели две по городу – никому не нужен такой работник. Отправился обратно. 120 верст – расстояние для подростка привычное. Где с каким-нибудь обозом пройду, но больше один. Ночевать обязательно пригадывал с возчиками. Боюсь [один].

Помню, зашел в киргизскую[23] юрту, попросил поесть. По-русски не понимают, но в конце концов поняли. Киргизка дала жареной пшеницы и молока. Как же это было вкусно! Решил было ночевать у этих киргиз[ов], так как уже вечер, но зашел в юрту киргиз и так посмотрел на меня, что по телу мурашки пошли. Нет, думаю, надо уходить. Поблагодарил и отправился дальше. Версты через полторы мне нужно пройти пять-шесть верст лесом. Помню, было страшно. Темно. До деревни осталось 15–20 верст. Главное – пройти лес, а там тракт, и будет не страшно. В лесу не раз сбивался с дороги, а вышел и попал в какие-то солонцы. С большим трудом добрался до деревни и зашел к сестре, которая жила на окраине. Дома не закрывались, вхожу и улегся на полу на соломе.

Проснулся я уже днем. Смотрю, возле меня сидит сестра и ее дочь, моего же возраста, и плачут. Спрашиваю: «Почему плачете?» – «Да ты посмотри, на кого ты похож». Осмотрелся я – и действительно. Сапоги в грязи, штаны изорваны. Видимо, блуждание по лесу и солончакам ночью оставило следы. Смеюсь, а на душе тяжело. Заходит муж сестры: «Что плачете? Не покойник. Накормите, да штаны почините, а сапоги пусть вымоет. Ишь, угваздал как!» Привели меня в порядок, и отправился я дальше.

[Я – хороший работник]

После этого путешествия ходил по деревне, бездельничал. Надоело.

Не знаю уже, как получилось, что договариваюсь с одним богатым мужиком поработать у него с месяц. Условия – 8 р[ублей] в месяц и верхняя одежда. Взял я пару белья и отправился. Встретился брат Яков и, узнав, что я иду в батраки к Зузуле, рассмеялся и говорит: «У него добрые не выдерживают, а ты сбежишь завтра же. Хотя бы начинал не с Зузули». Это меня так задело, что я решил: как бы ни было тяжело, а выдержу.

И началась новая тяжелая жизнь батрака. В воскресение [везу] бочку воды – запрягаю лошадей и еду на пашню. Готовим ток, строим избушку, кое-где подкашиваем хлеб, а в субботу – в баню.

Начался разгар уборочной. Мы не выезжали домой две недели. Сбрасывать [скошенные стебли] с лобогрейки[24] тяжело. На пояснице и ниже пошли нарывы. Не садился на беседку, а падал и старался быстрее работать, чтобы хоть как-нибудь заглушить страшную боль.

[23] *Киргизами* или *киргиз-кайсаками* на юге Сибири называли тогда казахов.

[24] *Лобогрейка* – простейшая жатвенная машина на конной тяге. Срезанные стебли зерновых культур непрерывно падали на платформу. Находящийся на ней рабочий вилами или граблями сбрасывал стебли на землю.

Помню, приехали домой, вымылись в бане, ужинаем, хозяин ставит на стол бутылку, наливает [всем] по рюмке, и мне. Удивляюсь. После ужина уезжаю с лошадями в лес с ночевой.

Утром веду лошадей домой, в переулке встречаю соседа Поликарпа. Останавливает и говорит: «Сейчас мы с мужиками выпивали. Там был и Зузуля, твой хозяин, и говорил про тебя такое, что все удивлялись». Ну, думаю, пропал. Закрепилась за мной позорная кличка «лодырь». Как это получилось? «Зузуля говорит, что ты не работник, а золото. Там расхвалил тебя не знаю как: “И работящий, и за лошадями ухаживает хорошо, даже ночью подкармливает, а утром иногда меня будит. Вот из кого хозяин будет”».

Я так был взволнован, что чуть не расплакался. Поставил лошадей к корму и стою у ограды. Идет богатый житель деревни, некто Илья Ус, подходит и говорит: «Переходи ко мне в работники. У меня легче, и больше дам. 10 р[ублей] в месяц и вся одежда моя». Я отказался, конечно. «Нет, – думаю, – надо доказать всем, что не лентяй».

Проработал я у Зузули два с лишним месяца, и расстались.

Хорошо. Мнение обо мне изменилось. Правда, братья удивлялись, но ничего не сделаешь – «Василия признали хорошим работником». А сестры при встречах почему-то плакали.

Рис. 4. Василий Ермоленко с сыном.
Середина 1930-х гг.

[Вдоль по Бие-реке]

Всю зиму ничего не делал. Старший [брат] Прокопий уехал в Бийский уезд в тайгу и устроился ст[аршим] лесообъездчиком, а весной (10.V.1910) родители и я отправились к нему. Расстояние около 500 верст. Бричка, пара лошадей. Домашние вещи, жена брата, двое детей, отец, мать и я. Явно перегружена телега. Много неприятностей было в пути. Бричка без тормозов, к горам не привыкли.

В июне мы прибыли к брату. Это 150 верст от города [Бийска]. Горы, тайга. Один дом – кордон. Живет лесной смотритель (товарищ брата). Берег реки Бии. Течение бурное. Шумит

всё время. Состояние гнетущее. Горы, лес и шум реки буквально давит. Дни проходили легче, а ночью было очень тяжело. Особенно тяжело было во время дождя.

Появление у смотрителя няни резко меняет положение, и через некоторое время всё то, что угнетало, становится красивым. Позднее я там несколько раз был. Это действительно красивое место Алтая.

Безделье беспокоит. Надо что-то делать. Случайно заехал лесопромышленник Назаров и предложил мне работу в городе с окладом 15 р[ублей] в месяц. Это приличная зарплата. Соглашаюсь и уплываю на плоту. Как тяжело было расставаться с этими красивыми местами (по секрету говоря – с Клашей)!

Работаю. В мою обязанность входит [следующее]. Утром с восходом солнца с топором, багром и веревкой иду на берег, вывожу из плота пять-шесть бревен, связываю, становлюсь на них и подгоняю к лесотаске для выгрузки к лесопильной раме. Для привычных к реке работа нетрудная, а мне она была неприятной, п[отому] ч[то] то и дело я падал с бревен в воду.

Не помню, сколько времени я проработал на этой работе. И вот в одно утро встречаю на берегу человека, который говорит, что встречал [моего] брата, и «он говорил, что тебя устроил на работу». Это меня возмутило. Я ведь думал, что устроился на работу сам. Это значит, он может при случае упрекнуть, что он помог. Нет, этого допустить нельзя. Решаю немедленно уволиться. Иду к хозяину и говорю, что меня вызывают в Макарьевский волостной суд. Хозяин легко соглашается. Видимо, работник из меня [на реке] был неважный. Беру 5 р[ублей] денег, манатки и отправляюсь на тракт, по которому ходят сплавщики вверх по Бие, там они нанимаются и плывут в город, и так весь сплавной сезон.

В первый день мы прошли 70 в[ерст]. Набил мозоли, отстаю, и только через день отправился дальше. Во второй половине дня дошли до деревни Балыкса. Сижу на берегу и мою ноги. Мозоли на ногах полопались – кровоточат. Ведет человек поить лошадь. Посмотрел на меня, на мои ноги, спросил: «Кто ты?», и говорит: «Посиди». Через некоторое время приходит и приносит суконные башмачки. «Обувай, – говорит, – да пойдем в избу», которая оказалась тут близко. Дали молока, хлеба и предложили отдыхать. Всю свою жизнь с большой благодарностью вспоминаю этого доброго человека.

Провалялся я у них два дня. Всё было рассказано. Хозяин и говорит: «Завтра мне надо ехать в Макарьевское, поедем со мной. Там в волости знакомый старшина, попросим, может быть, возьмут. Вот и осуществится твоя мечта быть писарем». Я ушам не верил. Неужели сбудется? Конечно, едем, а сам думаю: «Ну, важно зацепиться. Уж так буду стараться, что они там не [с]могут меня уволить».

[И все-таки буду писарем!]

Приехали. Долго говорил он со старшиной, потом ушли и что-то говорили с писарем, наконец, позвали и меня. Писарь дал что-то написать. Посмотрел на мою писанину, покачал головой и говорит: «Приму я тебя учеником. Положу 10 р[ублей] в месяц». У меня сердце выскочить хочет.

Писал я с утра и до позднего вечера. Писал какие-то копии, переписывал всё, что под руку попадало, но восторженное состояние продолжалось недолго. Через неделю или полторы волостной писарь уезжал, а на его место назначался другой, который через два-три дня объявил мне, что грамотность моя слабая. «Работать не умеешь, и вот, если хочешь, оставайся каморщиком. Будешь убирать в конторе, в каталажной камере, где отбывают наказание арестованные». Заработок мне предлагался 8 руб[лей] в месяц. Я с радостью согласился, хотя платил за квартиру с питанием 10 р[ублей].

Ночевал я больше в конторе, т[ак] к[ак] никакой постели не было. Не было и белья. Истопишь баню, сходишь вымоешься, выстираешь рубашку, [которая] была серая, и на себе высушишь. Сплю на столе, в головах книги или дела. Хорошо, что у меня было 5 руб[лей] кроме заработка, а то не знаю, как бы мне пришлось.

Мечта быть писарем не оставляет меня. Всё свободное время и даже ночами сижу и пишу всё, что попадает под руку. Ищу красивые почерки и стараюсь написать так же.

Через некоторое время новый писарь заметил мое старание и стал давать переписывать деловые бумаги. А как я старался сделать! Наконец, он предложил мне быть только учеником и положил заработок 10 р[ублей] в м[ея]ц, а жена его сшила две рубашки. Радость [моя] была неописуема. Родители мои переехали в Сайдып, что в 8 в[ерстах] от Макарьевска, и узнав о том, что я не в городе, а здесь, очень удивились и прислали мне подушку, матрасик, полотенце. Словом, начинаю экипироваться и осмеливаюсь уйти на квартиру.

Через три месяца дали мне заработок – 15 р[ублей]. Покупаю за 2 р[убля] ботинки, за 2 р[убля] 80 к[опеек] брюки и становлюсь похожим на пом[ощника] вол[остного] писаря.

Хочется привести случай. Получаю почту. Мне два письма: одно от волостного писаря Лебедской волости (Турочак), другое от [писаря] Троицкой [волости] (Ст[арая] Барда). Тот и другой предлагали должность пом[ощника] вол[остного] писаря с окладом 25 руб[лей] в м[ея]ц. Эти письма меня так взволновали, что невольно прослезился. И приятно, и обидно, что в начале моей работы тот и другой [писари], когда проездом были, то просто не замечали и даже посмеивались надо мной, «хохлом», а теперь предлагают. Не ответил.

Через некоторое время мне разрешили по совместительству занять должность сельского писаря пос[елка] Костромы с окладом 5 р[ублей] в месяц. Мечты сбылись! Я писарь, и это через три года после возникновения этой мысли.

Приоделся. Костюм, шляпа, часы, комната со столом, 12 р[ублей] в м[ея]ц. Вхожу в о[бщест]во сельской интеллигенции, но в гостях страшно стесняюсь. Сижу где-нибудь в уголке. К вол[остному] писарю приезжают из города сыновья, которые там учатся, и стали помогать отцу в работе, а мне было предложено выехать в с[ело] Елей сельск[им] писарем. Там я прожил три мес[яца] неплохо, но скучно.

Очень был рад, когда предложили вернуться в волость. А через некоторое время мне предложили перейти на работу в соседнюю волость в этом же селе (здесь было две волости – одна русских, другая кумандинцев (алтайцев)), и повысили зарплату – 25 р[ублей]. Теперь уже я считался полноценным помощн[иком] вол[остного] писаря. Ко мне стали относиться по-другому. Советовались. Приглашали в гости, и теперь уже я не прятался где-нибудь в уголке за фикусом, а активно участвовал в играх. <…>

Литература

Автобиографические записки сибирского крестьянина В.А. Плотникова: публикация и исследование текста / подгот. текста, предисл. и коммент. Б.И. Осипова. Омск: Изд-во ОмГУ, 1995. 176 с.

Зверев В.А. «Выброшенный из общества»: советский человек о пребывании в сталинском чистилище [Электронный ресурс] // Исторический курьер. 2018. № 1. С. 117–126. URL: http://istkurier.ru/data/2018/ISTKURIER-2018-1-09.pdf (дата обращения: 10.05.2020).

«История в человеке, попавшемся на ее дороге»: историческая биография в Сибири XIX–XXI вв. (историографический, источниковедческий и методический аспекты): коллект. моногр., посвящ. памяти В.Ф. Цыбы / отв. ред.: В.А. Зверев, Н.Н. Родигина, О.М. Хлытина. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2018. 324 с.

Миграционный переход // Демографическая энциклопедия / гл. ред. А.А. Ткаченко. М.: Энцикл., 2013. С. 462.

Миронов Б.Н. Российская модернизация и революция. СПб.: Дмитрий Буланин, 2019. 528 с.

Ростовцев И.Г. На краю света: записки очевидца. М.: Современник, 1985. 686 с.

Рютин М.Н. Автобиография // Рютин М.Н. На колени не встану / сост. Б.А. Старков. М.: Политиздат, 1992. С. 50–63.

Трифонова А.В. Как я стала учительницей // Красен человек ученьем: материалы о воспитании и образовании детей в селениях Сибири (конец XIX – начало XX в.). Новосибирск: Изд-во НГПУ, 1995. С. 75–80.

References

(2013). Migratsionnyy perekhod [Migration transition]. In *Demograficheskaya entsiklopediya*. Moscow, Encikl. p. 462.

Mironov, B.N. (2019). *Rossiyskaya modernizatsiya i revolyutsiya* [Russian modernization and revolution]. St. Petersburg, Dmitriy Bulanin. 528 p.

Osipov, V.I. (Text preparation, foreword and comments). (1995). *Avtobiograficheskiye zapiski sibirskogo krestianina V.A. Plotnikova: publikatsiya i issledovaniye teksta* [Autobiographical notes of Siberian peasant V.A. Plotnikov: publication and study of the text]. Omsk, Izd-vo OmGU. 176 p.

Rostovtsev, I.G. (1985). *Na krayu sveta: zapiski ochevidtsa* [At the end of the World: eyewitness notes]. Moscow, Sovremennik. 686 p.

Ryutin, M.N. (1992). Avtobiografiya [Autobiography]. In *Ryutin, M.N. Na koleni ne vstanu*. Moscow, Politizdat, pp. 50–63.

Trifonova, A.V. (1995). Kak ya stala uchitelnitsey [How I became a teacher]. In *Krasen chelovek uchenyem: materialy o vospitanii i obrazovanii detey v seleniyakh Sibiri (konets XIX – nachalo XX veka)*. Novosibirsk, Izd-vo NGPU, pp. 75–80.

Zverev, V.A. (2018). “Vybroshennyy iz obshchestva”: sovetskiy chelovek o prebyvanii v stalinskom chistilishche [“Thrown out of society”: the Soviet man about being in Stalin's purgatory]. In *Istoricheskiy kuryer*. Available at: URL: http://istkurier.ru/data/2018/ISTKURIER-2018-1-09.pdf (date of access: 10.05.2020).

Zverev, V.A., Rodigina, N.N., Khlytina, O.M. (Eds.) (2018). *“Istoriya v cheloveke, popavshemsya na eye doroge”: istoricheskaya biografiya v Sibiri XIX–XXI vekov (istoriograficheskiy. istochnikovedcheskiy i metodicheskiy aspekty)* [“History in a man caught on its way”: a historical biography in Siberia 19th to 21th centuries (historiographic, source and methodical aspects)]. Novosibirsk, Izd-vo NGPU, 2018. 324 p.

Статья поступила в редакцию 08.07.2020 г.